

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена анализу одного из типов эпитетов идиостиля Марины Цветаевой – тавтологического эпитета. Установлено, что специфика тавтологического эпитета в авторском идиостиле проявляется в его широком понимании поэтом: он является одним из способов выражения авторской стратегии корневого повтора и этимологической регенерации. Тавтология заключается не только в повторе однокоренных эпитета и определяемого слова, но и в обыгрывании однокоренных слов. Стилистический эффект употребления рассматриваемого в статье типа эпитета состоит в усилении признака, его конкретизации, абстрагировании, гиперболизации. Окказиональные эпитеты тавтологического типа составляют значительную часть от их общего числа, что говорит об активности авторского словотворчества и неизменном внимании к этимологии и внутренней форме слова. Доказано, что тавтологический эпитет представляет собой один из семантических типов эпитетов, организующих повествование фольклорных поэм М. Цветаевой. Автор делает вывод о богатом функционале тавтологического эпитета в составе идиостиля Марины Цветаевой, о необходимости изучения различных типов признаков слов как одной из центральных групп лексики в творчестве поэта.

***Ключевые слова:** тавтологический эпитет, семантика, идиостиль, плеоназм, Марина Цветаева.*

Стилистическое изучение лексики того или иного языка составляет основу лексико-семантического подхода к исследованию языковой картины мира. Общеупотребительная лексика нейтральной оценки, присутствуя в текстах и речи, не обращает на себя особенного внимания в силу ее узуальности. В рамках лингвопоэтического направления исследования языка рассматриваются оценочные лексемы, непременно имеющие коннотативные элементы значения. В художественном тексте, как сейчас установлено и признано большинством ученых, практически каждое слово, в том числе узуальной языковой семантики, способно в определенном контекстуальном окружении приобрести оценочно-экспрессивные смыслы [Ревзина 1996].

В том случае, если идет речь об анализе языка писателя или поэта, особенно неординарно воспринимающего действительность, вопросы языковой формы и содержания его текстов выдвигаются на первый план.

Эпитет представляет собой яркое образное средство языка художественного текста, многократно становившееся предметом исследования лингвистов и литературоведов. Среди огромного корпуса проблем эпитетологии от самого определения эпитета до его функционирования в том или ином тексте особенно выделяется вопрос о типологии эпитетов. Традиционно говорится о постоянном эпитете (*красна девица*), переносном или перенесенном (*печальная душа*). Другие виды эпитетов выделяются непоследовательно и на основании разнообразных критериев: семантического (плеонастический, изобразительный, лирический, метафорический, метонимический и т.д.), синтаксического (постпозиционный, препозиционный, цепочечный), количественно-структурного (повторяющийся, фразовый, сложный, составной) и многих других (см. обзор типологий эпитетов в работах автора статьи).

В рамках семантической линии классификации эпитетов выделяются тавтологические (плеонастические) эпитеты, семантика которых дублирует семантику субстантива.

Говоря о природе тавтологического эпитета, нужно подчеркнуть множественность его номинаций: его именуют плеонастическим, эмфатическим и т.д. Семантическая сущность его состоит в том, что он дублирует значение определяемого слова, актуализируя, усиливая значение субстантива. Часто такой эпитет употребляется в фольклорном тексте в составе постоянного эпитета: *красным-красна* (усиление признака), *дуб дубовый* (актуализация признака имени).

В античной теории эпитета изначально выделялся как один из типов художественных определений *epitheton necessarium*, или плеонастический эпитет. Сущность его состоит в амплификации значения определяемого слова имени посредством повторения основного признака определяемого слова в определяющем, в эпитете. Эпитет данного типа не добавляет ничего нового к смыслу определяемого имени, не содержит переносного значения, усиливая смысл. Это такие эпитеты, как *белые зубы*, *влажные вина* у Квинтилиана [Арнольд 1981].

Т.Г. Хазагеров выделяет плеонастический эпитет, совпадающий с тавтологическим типом в той его трактовке, которая предлагает считать тавтологией этимологическое значение определения [Хазагеров 1992, 1999].

И.В. Арнольд считает, что тавтологический эпитет – это семантически согласованный эпитет, подчёркивающий какое-либо основное

свойство определяемого, то есть повторяющий в своём составе сему, обозначающую неотъемлемое свойство объекта [Арнольд 1981]. Синонимом тавтологического эпитета выступает эмфатический эпитет – эпитеты, эмфатически повторяющие корень опорного слова: *горе горькое, скука скучная*.

Творчество Марины Цветаевой являет собой тот случай, когда анализ идиолекта неисчерпаем: описание его имеет долгую традицию, а интерес к нему не угасает и по сей день [Губанов 2016; Зубова 1989; Надежкин 2012; Словарь 1996]. Несмотря на наличие глубоких и подробных научных работ, детально рассматривающих как язык поэта в целом, так и отдельные стилистические приемы, излюбленные поэтом словоупотребления и метафоры, остается множество до конца не изученных участков его идиостиля.

Л.В. Зубова отмечает такую важную черту идиолекта М. Цветаевой, как использование корневого повтора: «соположение однокоренных слов или форм одного слова является сильным средством противопоставления сходных понятий: в нем обнажаются и семантизируются грамматическая форма, словообразовательные морфемы, морфонологические средства деривации» [Зубова 1989: 25]. Например, такие столкновения однокоренных слов, как: *завороженный и ворожащий, презренных и презрительных, забывчивы и забывенны*. Также важной чертой идиолекта поэта исследователь считает этимологическую регенерацию: особенное выделение корня в слове и построение фразы вокруг этимологии этого корня, его актуализация: *разные-розные*.

О.Г. Ревзина в предисловии к Словарю поэтического языка Марины Цветаевой отмечает активное употребление в текстах поэта атрибутивной лексики, среди которой есть пласт общеупотребительной (нормативной, в ее терминологии) и нормативной устойчивой, а также выделяется индивидуально-авторские словоупотребления. Такие эпитеты (атрибутивные конструкции) окказионально выражают актуальные для поэта смыслы (*битвенные небеса, медленные жилы, луч голосовой*) [Ревзина 1996]. Данный факт говорит о необходимости пристального изучения признаков лексики в текстах М. Цветаевой, корпуса так называемых эпитетных слов, под которыми понимается широкий пласт лексики, имеющий в своем значении признаковый компонент [Булахова, Сквородников 2017; Киров 2019].

Тавтологический эпитет не являлся предметом специального изучения в творчестве М. Цветаевой: он упоминается в исследованиях языка поэта [Губанов 2016; Зубова 1989].

Предметом анализа настоящей статьи выступает один из семантических типов эпитетов – тавтологический эпитет. Целью исследования является

выявление семантического потенциала тавтологического эпитета в текстах М. Цветаевой, уяснение его места в лингвопоэтике идиостилия.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различного типа: это стихотворения и поэмы.

Перейдем к рассмотрению специфики употребления тавтологического эпитета в текстах Марины Цветаевой. Нами было выявлено 102 случая употребления данного типа эпитетов в ее произведениях.

Самым распространенным типом тавтологического эпитета в текстах М. Цветаевой выступает такая атрибутивная конструкция, которая состоит из двух частей: прилагательного и однокоренного существительного.

Например:

То из уст её – дыханьице неровное // То не черный чад над жаркою жаровнею [Цветаева 1994: 3: 241];

Из сердца весь сок вытягивает, // В глубинную глубь затягивает [Цветаева 1994: 3: 246];

Наш моряк, моряк – // Морячок морской [Цветаева 1994: 1: 544].

В первых двух контекстах целью употребления тавтологии является усиление признака, доведение его до абсолютного проявления, что является характерной чертой идиолекта поэта и его мировосприятия в целом (безмерность, как отмечали многие цветаеведы). В третьем примере видим трехкратное повторение субстантива *моряк* с небольшой модификацией в третьем случае путем прибавления уменьшительного суффикса *-ок*; и уже именно с ним употребляется эпитет *морской*.

В большей степени наиболее интересными являются те контексты, в которых происходит не просто повторение корня в составе субстантива и эпитета, но в которых присутствует морфологическая трансформация в составе атрибутивной конструкции.

Это может быть предикативная краткая форма прилагательного:

Ревностью жизнь жива! [Цветаева 1994: 2: 203].

Чаще всего перед нами употребление наречной формы эпитета, дающей большую степень выразительности и экспрессивности в связи со связью с действием субъекта:

Перелетами – как хлѣстом // Хлѣстанные табуны [Цветаева 1994: 2: 193];

И – сестрински или братски? // Союзнически: союз! [Цветаева 1994: 3: 39].

Подготавливаемая двумя наречиями в первой половине фразы во втором контексте, наречная атрибутивная конструкция *союзнически: союз!* имеет особое эмоциональное выделение посредством употребления двоеточия после эпитетного слова, а также употребления субстантива-возгласа,

оформленного восклицательным знаком. Перед нами нетипичная эпитетная конструкция, поскольку отсутствует определяемое слово, подразумеваемое в контексте (это действие в широком смысле: жить вместе, быть едиными).

Также необычная эпитетная конструкция, представляющая собой сочетание двух признаков слов, содержится во фрагменте:

*Сметаемые – как художника кистью, // Картину **кончающего наконец*** [Цветаева 1994: 2: 344].

Причастная форма эпитета сочетается с однокоренным наречием, поэтому тавтология смещается в сторону от определяемого субстантива к дополнительному наречию, усиливающему значение данного корня.

Излюбленным приемом М. Цветаевой является использование нескольких однокоренных слов, каждое из которых привносит свой оттенок значения, дополняя единый образ-ситуацию.

Так, например, в следующем фрагменте эпитет становится тавтологическим только в данном контексте, поскольку уподобляется определяемому слову *чтец* в первую очередь по форме, а, во-вторых, тавтологически приближается к однокоренному словосочетанию *читает чтец*:

***Черный читает чтец** // Крестятся руки праздные ...* [Цветаева 1994: 1: 292].

В следующем контексте похожая ситуация с употреблением однокоренных слов: если глагол и субстантив повторяют друг друга по содержанию (*отмучилась* и *мученица*), то созвучный им эпитет *милая* вписывается в смысловой контекст фразы. Мученица испытывала страдания, поэтому эпитет *милая*, скорее, отсылает к значению *страдалица*, поэтому данное определение правомерно, на наш взгляд, считать тавтологическим эпитетом:

*Вот ты и **отмучилась**, // **Милая мученица*** [Цветаева 1994: 1: 281].

Тавтологический эпитет представлен достаточно нетривиально в текстах М. Цветаевой, поэтому зачастую контекстуально окказионален. Например, рассматривая следующий пример его употребления, напрашивается антонимическая семантика:

*Чтоб **выхмелил** весь **сонный хмель** // День за море, Гуслер – в постель* [Цветаева 1994: 3: 213].

Окказиональный глагол *выхмелил* в сочетании с тавтологичным субстантивом *хмель* вызывает к жизни эпитет *сонный* с измененной семантикой: хмель (опьянение) понимается не как буйное веселье, а наоборот сон, забвение, упадок сил. Таким образом, лишь в контексте эпитет приобретает определенную семантику и привязан к конкретному контексту.

Говоря о тавтологичности эпитета, необходимо понимать его широко, как возможность сочетаться с фразой, несколькими словами и приобретать окказиональный смысл. Переносный эпитет с образной составляющей не отменяет его тавтологичности, синонимичности или антонимичности в сочетаемости с различными лексемами в контексте. Эта особенность идиолекта М. Цветаевой не сводится ни к одной описанной лингвистами, поскольку представляет собой смешение этимологической регенерации, корневого повтора, но не прямого повторения однокоренных слов, а повторяющегося смысла одного из значений эпитета, к тому же появившегося в контексте стихотворения.

Показательным является пример употребления М. Цветаевой тавтологического эпитета в цикле «Стол»:

Сосновый, дубовый, в лаке // Грошовом, с кольцом в ноздрях, // Садовый, столовый – всякий, // Лишь бы не на трех ногах! (о столе) [Цветаева 1994: 2: 312].

По сути, вся фраза представляет собой развернутый эпитет, в составе которого как вещественные определения стола, но все приобретшие эмоциональный компонент значения, так и антропоморфные (*с кольцом в ноздрях*). Выбивается из ряда одно определение *столовый*, являющееся тавтологическим эпитетом к слову *стол*, но определяемый субстантив во фразе не назван, поэтому создается эффект подразумеваемого, зашифрованного смысла. Что значит в понимании поэта *столовый стол*? Для употребления пищи, для выполнения «своих обязанностей», такой, каким он должен быть (образец), настоящий, обычный. Эта обрисовка образа стола является неповторимым авторским текстом, расширяет возможности использования тавтологического эпитета. Когнитивное мышление поэта, его интенции передачи смысла находят выражение в языке, который предстает в качестве инструментария для экспликации авторской семантики.

Как упоминалось выше, семантика и сфера употребления тавтологического эпитета во многом тесно связаны с постоянным эпитетом: часто присутствуют в фольклорных текстах или стилизованных под народную разговорную речь; имеют формульную структуру; традиционны и клишированы. Однако если постоянный эпитет отражает признаки, которые давно устоялись и не меняется, то тавтологический эпитет может варьироваться, становиться образным или приобретать новые смысловые оттенки. В этом смысле он более метафоричен и свободен в выражении авторских смыслов.

В связи с этим отметим небольшое число контекстов стихотворений М. Цветаевой, в которых тавтологический признак выражен в предельной

форме, а именно сравнительной степенью прилагательного или наречия в сочетании с однокоренным эпитетом в родительном падеже:

Тише тихого, // Дольше длинного [Цветаева 1994: 3: 80];

Там одна – темней // Темной ночи [Цветаева 1994: 1: 323].

Тавтологические эпитеты находятся в контактной позиции, следуя непосредственно друг за другом; при этом в контекстах неизменно присутствует компаративное значение: «тихий, как тишь», «длинный, как длина», «темный, как темная ночь». По сути, таким образом автор выражает сильное проявление признака, интенсифицируя его.

Единичные примеры демонстрируют еще один способ выражения предельно проявляющегося признака: использование наречия, образованного от имени числительного, и однокоренного с ним этого имени числительного:

Семь ночей пронзили сердце, // А мое – семижды семь [Цветаева 1994: 1: 403].

Наречие-эпитет эмоционально подчеркивает заданное в начале фразы значение, интенсифицируя признак.

В некоторых случаях тавтологический эпитет представляет собой дублетное употребление лексем в усилительной функции: повтор одного и того же определения при одном и том же субстантиве. Эта группа не очень продуктивна, но участвует в выражении эмоционально-оценочных значений: *Душа – голым-гола* [Цветаева 1994: 3: 151]; *...лицо красным-красно ее...* [Цветаева 1994: 3: 152].

Если второй пример укладывается в рамки семантики постоянного эпитета, то первый явно оценочен и представляет собой метонимию с ярким образным значением: душа обманутой женщины, разбитое сердце, пустое и т.д.

Так, тавтологический эпитет или его вариации представлены в стихотворных текстах М. Цветаевой (в прозаических нами не зафиксированы) пусть и недостаточно частотно, но всегда образно и заметно. Они выражены:

- 1) полной или краткой формой прилагательного;
- 2) наречием;
- 3) псевдооднокоренными словами в контексте фразы;
- 4) интенсификаторами: формами сравнительной и превосходной степени прилагательного или наречия;
- 5) краткими двойными эпитетами постоянного типа.

Подведем некоторые итоги. Тавтологическим является эпитет, имеющий одинаковый с определяемым им словом корень и употребляющийся с целью усиления, конкретизации и интенсификации (иногда образной характеристики) признака, а также актуализации значения субстантива. Имея некоторые общие черты с постоянным эпитетом (клишированность,

повторяемость, формульность, фольклорность семантики), он отличается большей образностью и вариативностью формы и содержания. Будучи одним из семантических типов эпитетов, тавтологический эпитет обращает внимание на один из оттенков значения субстантива, отсылая к его контекстуальному прочтению.

Специфика употребления тавтологического эпитета в текстах М. Цветаевой заключается в окказиональном повторе как эпитета, так и главных по отношению к нему однокоренных слов. Большую роль играет контекстуальное окружение, в котором содержится не только двучленная атрибутивная конструкция тавтологической семантики, но и близкое по значению слово, «наводящее и подготавливающее» дальнейшее восприятие фразы в целом. Сближаются довольно далекие по значению лексемы на основе ассоциативной смежности: *черный чтец*, *сонный хмель выхмелил* и т.д. Также наблюдается пропуск определяемого субстантива или значительное дистантное положение эпитета от субстантива (*стол столовый*), что создает образный эффект.

В системе авторских эпитетов тавтологический тип эпитета в творчестве М. Цветаевой занимает одно из важных мест в передаче индивидуального поэтического смысла в контексте конкретного стихотворения или поэтического цикла; особенно ярко передает интенсивность признака, его эмоциональное переживание. Пересечение с другими видами эпитетов наблюдается в аспекте их формальной природы и семантического наполнения: как правило, тавтологический эпитет всегда представляет собой или окказиональный атрибут или постоянный эпитет. Окказиональное заключается не только в семантике лексемы, но и в ее лексической сочетаемости, делающей повтор корня средством актуализации семантики.

Изучение того или иного типа эпитета всегда является, с одной стороны, одним из штрихов в обрисовке целостной картины системы эпитетов в творчестве М. Цветаевой, с другой стороны, привносит новые смыслы в понимание теории системы эпитетов в целом, уточняет семантику и формальную выраженность конкретной разновидности художественного определения. Идиостилевая специфика эпитетов всегда существует в контексте общеупотребительной лексики, изобразительных, лирических и других типов эпитетов с меньшей образной составляющей. Тем не менее, придерживаемся мнения о том, что в художественном тексте практически каждое слово имеет особую эстетическую ценность, поэтому и логических определений в нем нет: есть нормативные атрибутивные конструкции (в терминологии О.Г. Ревзиной) и окказиональные эпитеты.

Дальнейшее изучение признаковой лексики на примере текстов М. Цветаевой даст богатый материал как для теории эпитета, так и для цветаеведения.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2 (9). С. 122–143.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи Цветаевой // Вестник Нижегородского государственного университета. 2012. №31. С. 393–395.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. 320 с.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.

Хазагеров Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики: сб. ст. / отв. ред. Т.Г.Хазагеров. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. С. 47–56.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.